

ную телегу с верхом душистой травы и тронулись домой.

Дорогой Иван рассказывал Онисиму о тех многотрудных и тяжелых испытаниях, которые придется вынести русскому крестьянству прежде чем закрепятся в жизни все великие завоевания Октябрьской революции.

И слушая неторопливую, умную речь Ивана Онисим верил, что пройдет один, другой десяток годов и с глаз многих миллионов серых труженников спадет повязка темноты, невежества и сонной одури.

Ко двору лошади бежали бойко. Когда в'ехали в деревню, то было уже темно. Но на западе край неба еще был окрашен в кроваво-пурпурный цвет, и в движущихся голубых тенях, переливались краски фиолетовые, бледно-розовые, синие и зеленые.

На деревне весело. Молодежь играла в погорелки. Старики уже спали. Завтра рабочий день и вставать нужно было с петухами, до солнечного восхода.

Где-то далеко, в конце улицы, взвизгивала гармонь и хор сильных голосов горланил частушку:

— Запрягай-ка, тятка, лошадь,

Сивую, косматую.

Есть девчонка на примете,

С'ездию, посватаю—у!

Пособив Ивану распрячь лошадей Онисим залез на повети и заснул на душистой, ароматной траве, как убитый.

(Красный Лапоть.)

И Кожухов.

М Я Т Е Ж

(Сельская хроника).

По рыжему, глинистому бугру разметалось большое, богатое село Покровское. В былое время по воскресным дням и престольным праздникам сюда с'езжались со всех окружающих деревень, собирались большие торжища. По пыльным, степным дорогам за много десятков верст со скрипом тянулись тяжелые возы, груженные льном, пенькой, глиняной и расписанной посудой, ободьями, кожей по хозяйству предметами. Гимные кочевники широких степей—вороватые цыгане пригоняли в Покровское целые косяки коней, значительная часть которых была угнана смелыми и ловкими конокрадами из соседних уездов или из нечного, или прямо со двора заезавшегося хозяина.

По целым неделям над селом стоял шум и гам празднично настроенной толпы. Бабы, девки и ребятишки ходили по лавкам с галантерейным и красным товаром. Рядились, спорили, делая разочарованный вид уходили от прилавка и опять возвращались, пробовали на зуб добротность ситца или кумача, перешучивались и переругивались с словоохотливыми торговцами, которые щедро сыпали и направо и налево порой остроумные прибаутки. Бабы и девки ржа во все горло,

скалили зубы, грызли орехи и семечки, плевали на все стороны и шли на карусель кататься или смотрели длинноносого Петрушку и помирали со смеху, не мало дивились хитрым умным проделкам фокусника, который реал железные цепи и разбивал о свою голову кирпичи. ~~За пятак~~ пробовали счастья и тянули билеты, по которому, по словам продавца, мог попасть самовар, золотое кольцо, карты и другие ценные вещи.

На другом конце села происходила купля—продажа и менка лошадей. Между телегами толкались и неверными шагами бродили подвыпившие мужики с бутылками и полбутылками водки в руках и в карманах армяков и полушубков. Не смотря на большую жару большинство в теплых, вязаных шарфах и в высоких бараньих шапках. Сверкая налитыми кровью белками глаз, цыгане охрипшими за день голосами клялись и божились самыми страшными божбами, крестились на солнце, на церковь.

Два Покровских трактирщика торговали бойко. Из распахнутых настеж дверей с раннего утра далеко за полночь неся нестройный гул пьяных голосов, заглушавший игру граммофона. Продавцы и покупатели пили по всякому поводу. Продавалась лошадь—купив-

ший и продавший с целой ватагой прихлебывателей, шли пить даvasy. Встречались два кума, соседи по деревни и на радостях шли выпивать. Бил муж жену и с горя опять таки шел в трактир. И только поздним вечером или ночью мужики пьяные, как стельки, обнявшись по двое и по трое шли по селу и разбитыми, скрипучими, дребезжащими голосами, с горькими перехватами пели свои горькие мужицкие песни, в которых слышался и глухой стон темных, забитых деревень и неизбежная, неразмыканная, мертвая русская тоска—печаль...

И пьяные, неверные голоса буили пугливую и чуткую тишину села, которое спало тяжелым сном...

* * *

Прогремивший гром революции очистил тяжелый воздух, которым дышала деревня. *Не стало вина—этого лютого ворага трудящегося человека.*

Проспавшийся после векового беспробудного пьянства деревенский бедняк сперва неумело и нехотя взялся за *строительство новой жизни*. Работали и в процессе работы учились работать. Октябрьская революция окончательно развязала руки трудовому крестьянству и положила начало классовой вражде между богатыми и бедными

Везде и всюду создавали Комитеты бедноты или, как их называли в деревне „Бедные комитеты“. Вначале бедняки были разрозненны, запуганы и бессильны, а кулаки смелы и дерзки, как волки.

Но вот в Покровское возвратились солдаты распушенной царской армии—человек пятнадцать, среди них был и Семен Черемин—мужик много семейный и бедный.

За время проклятой боини его хозяйство пришло в сильный упадок. Повалились плетни, скотина была отравлена солоня с поветей и с крыши избой. Жена хотя и была баба работающая, но не в силах была справиться со всем хозяйством, а помощники были плохие: четыре сынишка—мал мала меньше, да старик свекор—отец Семена.

Семен горячо взялся за работу, но лошадевка была одна да и та заморенная, приходилось часто гонять подводы, ездить за дровами на секцию и дело шло из рук вон плохо. Оставалась недостроенной баня, не было семян на посев, голодные и оборванные пищали в нетопленной грязной избе ребятишки. Правда, иногда помощь была оказываема со стороны „Бедного комитета“—выдавалось по твердым ценам мясо, хлеб, но помощь эта была недостаточна, потому что в „Бедный комитет“ пролезли мелкие кулачки и вполне понятно, что они держали руку богатых.

Покровские бедняки и сами были тому не рады, да как им казалось, ничего нельзя было поделаться, потому что зажиточные му-

жики были и грамотны и „вумны“, и на сходках к их голосу прислушивались.

Семен чутьем угадывал, что единственными защитниками бедного трудящегося люда является только Советская власть и партия коммунистов—большевиков; не даром полк, в котором состоял Семен, целиком выступил на улицы в памятные Октябрьские дни, на защиту Советской власти. Еще тогда, на улицах Питера, в Черемине сказала здоровая классовая закваска и в красногвардейцах, в этих оборванных, чумазах рабочих он увидел кровных братьев своих. Семен знал, что не даром лилась кровь рабочих и солдат, что не даром под трескотню выстрелов и гром пушек была свергнута буржуазная власть и над городами и селами, над фабриками, заводами и над полями взвились огненно-красные знамена. Но Семен был малограмотен и темен—не мог он разобраться в мыслях своих, в этом была его главная беда.

Проводился в жизнь чрезвычайный налог. Кулаки уперлись и денег давать не хотели. Собрали сход, написали от мира приговор, что общество контрибуцию платить не может. Приговор послали в уезд.

Скоро из уезда приехали вооруженные люди, распустили старый Комитет бедноты и избрали новый. Председатель распущенного „Бедного комитета“ бывший трактирщик Трофим Пахомыч был арестован. Кулаки недовольные таким оборотом дела начали галдеть и горланить. Одного трактирщика выручить не удалось—его увезли в уезд.

По почину Покровских бедняков в председатели вновь избранного комитета прошел Семен Черемин

На другой день „Бедный Комитет“ сделал раскладку налога по душам и собрав сходку, Семен прочитал по списку на кого сколько наложено. Как пчелиный улей загудел, заволновался мир. Кулакам было жалко расставаться с награбленным добром. Пошумели—разошлись встряхивая косматыми головами. Ночью у председателя выбили окна. А утром, на вторично собранной сходке, когда выяснилось, что налог платить все-таки надо,—принялись убивать председателя и членов нового Комбеда.

Осатаневшие собственники били деревенских бедняков жестоко и бесчеловечно, как умеет бить только русский человек: кольями, поленьями, пинками... Троих ухлопали совсем, а Семена да еще одного мужика оставили чуть живыми. У Семена была переломлена рука и выбит глаз.

Одержав победу у себя в селе, Покровские живоглоты думали, что на этом дело и кончилось. Что-бы иметь за собой поддержку, в соседние волости послали нарочных с просьбой тоже подняться.

Над печальными, безмолвными полями немолчно гудел набат мятежа, точно воспламенился сухой порох, волости восставали одна за другой.

Хищное кулачье, настрадавшееся от пролетарского режима, бралось за вилы, колья и восставало поголовно.

Кулаки разоружили в волости продовольственный отряд, получили с сотню винтовок, один пулемет и это им окончательно вскружило головы.

Появились белогвардейские офицера предложившие свои услуги по формированию „крестьянской армии“. Через неделю восстали 36 волостей. Мятежники забрали уездный город Ставрополь*). Кинулись громить Советские учреждения, комиссариаты. Грабили мануфактурные и продовольственные склады. В селах вырезывались коммунисты и их семьи. Уничтожались картины и библиотеки.

Скоро восстание перекинулось в две соседние губернии. Мятежники были уверены в своей победе. Были уверены в том, что Красная армия передается на их сторону, „потому что там крестьянские сыновья“. Направленные белогвардейской рукой на ближайший Колчаковский фронт были посланы ходоки, по два от каждой деревни. Ходокам вменялось в обязанность „уговорить Красные полки повернуть штыки против коммунистов“ и этим самым открыть белогвардейцам фронт.

На улицах Ставрополя с утра до ночи белогвардейские офицера обучали „чапанов“ маршировке и рассыпному строю.

По приблизительному подсчету в армии мятежников насчитывалось от 30.000 до 50.000.

Положение было серьезное. Были приняты срочные меры. Из губернии на место мятежа

*) Самарской губернии.

высылались рабочие полки

По пустынной, снежной равнине ползет обоз с красными знаменами, с пулеметами. На дороге валяются вилы, колья, самодельные копья с железными наконечниками—это путь отступления „чапанов“.

Серебрянным лунным светом залита улица села Покровского. Светло, хоть в орел играй. По улицам возбужденно толкая ходят кучки „чапанов“ с заткнутыми за пояса топорами, с копьями и винтовками за плечами.

... — Дон!.. Дон!.. Дон!.. Дон!.. несется с колокольным немолчным непрерывным набатом. В церкви идет служба о даровании победы „чапановской армии“. На печках и палатках забившись в дальние углы, плачут бабы и ребятишки. Далеко за темной грядой леса видно полыхающее зарево горевшей деревни.

На рассвете из соседнего мордовского села Втулкина в Покровское прибыла подмога подвод пятьсот, на каждой сидело по три—четыре человека.

Первый снаряд, брошенный красными попал в избу и вместе с тучей сухого пушистого снега метнул на воздух соломенную крышу. В морозном, звонком воздухе беспорядочно загремели выстрелы...

К обеду красные цепи повели наступление

кровавая каша.

... Через неделю мятеж был ликвидирован. Кулаки достойно наказаны.

Беднота вздохнула свободно и снова принялась за кропотливую работу, за создание разрушенного...

(Красный Лапоть.)

И. Кокшуров

ПО ВОЛОСТИ ГУЛЯЮТ.

Аа, кум Стехван, почтение! Ты, брат, опять yine по горлышку стукнул, не правда ли?

— А чего же нам, я теперь и не стесняюсь, все равно отберуть то, повариваю почти каждый день, аппарат свой, хлебушка, слава богу, хватит, чего же мне еще, не отдавать же его какому то тамо рабочему, дал немножко и то спасибо должен говорить...

— А Макара Федотова ты знаешь?

— Макара-та? мельника-та? да как же мне его не знать, мы с ним дружки приятели, мы и выросли вместе, и одной дубинкой нас били... а что?

— Как что? да жалко мужика то, совсем с понтолыги сбился, ведь уж в хворь кинулся, а все пьет. А больше жалко его жену и де-